

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ МОДИФИКАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДИК

О. А. Сиденко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 29 сентября 2025 г.

Аннотация: в фокусе данной статьи проблематика методики исследования институционального доверия. Несмотря на накопленный зарубежный и отечественный опыт измерения, институциональное доверие по-прежнему остается интеллектуальным вызовом для исследователей, осложняющимся динамикой современных обществ. Мониторинг не обеспечивает должной глубины понимания феномена, поэтому исследователи часто дополняют количественные методы качественными и используют разные инструменты сбора данных. В контексте российской аналитической практики актуальным также представляется переход на более чувствительные шкалы и усложнение системы показателей.

Ключевые слова: доверие, институциональное доверие, методология, методика и техника исследования, инструментарий исследования.

Abstract: the paper is focused on institutional trust methodology and technique. Despite of foreign and domestic scientific experience in measurement, institutional trust remains an intellectual challenge for researchers, and contemporary dynamics make things worse. Monitoring have some research limitations, that's why the trend towards mixing quantitative and qualitative methods is rising. The researchers use various data collection tools. It's will be better for Russian's analytics, if system of indicators can become more complex and scales more sensitive.

Key words: trust, institutional trust, methodology, research methods, research techniques, research tools.

От доверия к институтам во многом зависит не только устойчивость социального порядка, стабильность власти, но и диспозиции людей в отношении друг друга и их жизненные стратегии. Хотя институциональное и личностное доверие – разные виды, между ними существует связь, и она часто оказывается в фокусе внимания исследователей [1–3]. Ежегодные опросы, проводимые Фондом Эдельмана в нескольких десятках стран, также убедительно подтверждают этот тезис. Замер осени 2024 г. выявил, что вместе с падением уровня доверия к правительству, бизнесу, СМИ и НКО растет страх подвергнуться дискриминации. За год число тех, кто беспокоится о том, что может столкнуться с предрассудками, дискриминацией или расизмом, увеличилось с 53 до 63 % [4, р. 16]. В 23 странах из 26 большинство опрошенных испытывает умеренное или сильное чувство обиды по отношению к бизнесу, правительству и богатым (в Испании – 72 %, в Великобритании – 70 %, в Германии и Франции – 69 % и т. д.) [Ibid., р. 18]. А поскольку «при высоком уровне недовольства вероятность развития мышления “нулевой суммы” в два раза выше, чем при низком уровне», в зоне риска оказывается социальный контракт. Позиция «нулевой суммы» в докладе 2025 г. раскрывается следующим

образом: «то, что помогает людям, не разделяющим мои политические взгляды, обходится мне дорого». Ее придерживается 41 % респондентов со средним уровнем чувства обиды и 53 % – с высоким, в то время как среди опрошенных с низким уровнем обиды сторонников «нулевой суммы» всего 23 % [Ibid., р. 19].

С ростом недовольства усиливается и радикализм. Отвечая на вопрос «Какие действия вы бы одобрили как способы осуществления общественных изменений, которые, по вашему мнению, обеспечат вам и вашей семье лучшее будущее?» четыре опрошенных из десяти предпочли враждебные средства: участие «в личных нападках в Интернете против лиц, которые, по вашему мнению, препятствуют желаемым вами переменам»; создание и распространение «преувеличеннного или даже ложного онлайн-контента с целью повлиять на общественное мнение»; угрозы физического насилия или его совершение «в отношении учреждений или групп, которые, по вашему мнению, препятствуют желаемым вами переменам»; «повреждение или уничтожение государственной и/или частной собственности, чтобы привлечь внимание к желаемым вами переменам» [Ibid., р. 66].

Феномен институционального доверия, особенно к политическим институтам, не такой простой, как может показаться. С одной стороны, он отражает реалии функционирования институтов, понимание

принципа справедливости и сложившийся в обществе ценностный консенсус, с другой – является своего рода конструктором, продуктом усилий пиарщиков и политтехнологов.

Социальным демиургам не лишним было бы помнить о последствиях и пределах манипулятивного воздействия. Образно выражаясь, бумеранг всегда возвращается, и, чтобы не упустить момент, важно тщательно, глубоко, всесторонне и постоянно изучать институциональное доверие. Сложность, однако, заключается в недостаточной пригодности методологического и методического арсенала.

Зарубежный опыт изучения институционального доверия

Проблематика доверия, институционального доверия относится к числу хорошо разработанных. Труды Э. Гидденса, П. Штомпки, Н. Лумана, Ф. Фукуямы и др. давно стали классическими, однако интерес к соответствующим вопросам, ввиду сложности самого феномена, изменчивости условий и факторов, его формирующих, не снижается. К примеру, имеется множество объектов доверия, каждый со своей спецификой, и периодически появляются новые – как то: информационно-коммуникативные технологии, био- и нанотехнологии, искусственный интеллект, робототехника и прочие [5]. В то же время феномен демонстрирует признаки ригидности – изменить радиус доверия в социальных масштабах под силу лишь системным трансформациям.

Хотя доверие многогранно и не поддается однозначному определению, в западной исследовательской традиции сложился минимальный консенсус по поводу значения понятия. Как феномен, обусловленный убежденностью относительно надежности другого (индивидуа, группы, организации, институции), доверие имеет два ключевых измерения: «компетентность в области оказания доверия» – рациональное доверие и «обязательство действовать в интересах доверяющего в силу моральных ценностей, которые подчеркивают выполнение обещаний, заботу о доверяющем, совместимость стимулов» [6, р. 476] – моралистское доверие. Они «отражены в опросах институционального доверия, которые не только изучают поведение, связанное с выполнением конкретных задач, но и измеряют более общие представления об институциональной целостности, прозрачности и коллективной ответственности» [7, р. 2].

Оба эти измерения лежат в основе методики оценки институционального доверия, используемой Фондом Эдельмана. Восприятие компетентности выявляется посредством согласия или несогласия респондентов с рядом утверждений, раскрывающих понимание институтами актуальных проблем, способность их решать, а также совершенствовать свою

деятельность. Шкала этичности имеет несколько измерений: целеустремленность (является ли институт высокоеффективным агентом позитивных изменений или же нет); честность (респондентам предлагаются выбрать между характеристикой «честный и справедливый» или «коррумпированный и предвзятый»); видение (опрашиваемый либо соглашается с тем, что видение будущего у него и оцениваемого института совпадает, либо выбирает опцию институт «не имеет видения будущего, в которое я верю»); справедливость (опция выбора сводится к «служит интересам всех в равной степени и справедливо» и «служит интересам только определенных групп людей»).

Инструментарий, используемый в опросах, проводимых Организацией экономического сотрудничества и развития, также предусматривает оба измерения. Структурно, помимо «паспортичек» и вводных вопросов, он состоит из нескольких разделов: в первом респондентам предлагается определиться со степенью своего доверия по шкале от 0 до 11 к национальному и местному правительству; чиновникам, полиции, судам и правовой системе, средствам массовой информации, международным организациям. Кроме того, предусмотрены варианты: «не знаю» и «предпочитаю не говорить». Второй блок вопросов посвящен «движущим силам доверия к институтам» с акцентом на честности, отзывчивости, надежности, открытости и справедливости. Третий блок отражает удовлетворенность государственными услугами, четвертый – политические взгляды и участие, пятый – действия правительства в отношении долгосрочной политики и глобальных вызовов [8].

Исследователи обращают внимание на то, что порой рациональное и моралистское доверие вовсе не идут рука об руку, а последнее оказывается многослойной и весьма противоречивой конструкцией. Так, согласно теории системного обоснования, существует психологический мотив защищать и оправдывать статус-кво, как следствие, поддержку могут получить несправедливые и неэффективные институты [9].

Доверие к институтам, особенно политическим, нередко сопряжено с эмоциями, аффектом. Оно не только устойчивый атрибут общественного сознания, но и продукт фреймированного контекста, не раскрываемый в рамках масштабных, межнациональных формализованных опросов. Хотя они по-прежнему дают ценную информацию о динамике доверия, их кросс-культурная валидность оспаривается. Не удивительно, что взоры исследователей стали обращаться к фокус-группам, глубинным интервью, эксперименту.

Необходимо отметить, что с использованием метода эксперимента, особенно с «игрой на дове-

рие» – вариацией инвестиционной игры Берга и МакКейба, выявляющей готовность к сотрудничеству, когда взаимность сотрудничества не определена, есть проблема внешней валидности. Тем не менее интерес к эксперименту устойчиво растет, он все чаще используется «в качестве дополнительного инструмента оценки доверия к институтам» [7, р. 6].

Такая же роль отводится тесту неявной ассоциации. Те, кто его проходит, должны быстро классифицировать слова по категориям. Чем короче время ответа, тем более вероятна неявная ассоциация у испытуемого. В версии, применяемой Лабораторией доверия ОЭСР, участники распределяют организации на заслуживающие и не заслуживающие доверия [10].

Своего рода общим местом в исследованиях и аналитике является констатация факта кризиса институционального доверия в современном мире. В течение десятих и двадцатых годов он неоднократно фигурировал или же подразумевался в названии докладов Фонда Эдельмана – «Кризис лидерства» в 2013 г., «Доверие в кризисе» в 2017 г., «Цикл недоверия» в 2022 г. [4, р. 3]. Проблеме восстановления общественного доверия также был посвящен доклад Организации экономического сотрудничества и развития, выпущенный в 2017 г. [11]. Действительно, повсеместное ускорение процессов и усложнение проблем, то и дело переходящих в разряд сложных (complicated) или коварных (wicked problems), повышает актуальность вывода, сделанного Джейн Мэнсбридж еще в 1997 г.: возросшее недоверие общественности к правительству во многом обусловлено ухудшением его работы из-за растущих требований и ожиданий, а также сокращения ресурсов [12], и сложившаяся ситуация является собой настоящий концептуальный и методологический вызов.

Рефлексия отечественного опыта изучения институционального доверия

Понимание феномена доверия в общем и его институциональной разновидности в частности в отечественных исследованиях не притягивает на какую-то особую уникальность. Также постулируется его вероятностный, рациональный, динамичный, в той или иной степени обусловленный социальными ролями характер. В то же время российская социальная среда отличается крайним многообразием, не говоря уже о том, что ключевую роль по-прежнему играют неформальные связи и отношения. Свой отпечаток накладывают и политические реалии.

Как справедливо заметил один из аналитиков Отдела социально-политических исследований ВЦИОМ, проблемы есть даже на уровне концептуальной рамки: «Теоретические построения нередко игнорируют все разнообразие феномена доверия к политическим институтам, которое имеет специфи-

ческие проявления в различных регионах и населенных пунктах РФ» [13, с. 54].

Кроме того, набор и формулировки показателей, десятилетиями использовавшиеся ВЦИОМ и другими всероссийскими опросными центрами, также вряд ли следует считать исчерпывающими. Очевидно, что вопросы «Насколько Вы доверяете?», «В какой мере Вы доверяете?» и шкала «вполне доверяю», «в основном доверяю», «в основном не доверяю», «совсем не доверяю» не предназначены для понимания оснований доверия, и выбор варианта «вполне доверяю» может оказаться всего лишь проявлением эффекта социальной желательности.

Разумеется, некоторую ясность способен внести ряд дополнительных показателей: одобрение деятельности соответствующей институции, идентификация интересов, которые она выражает, признание вертикального ценностного консенсуса и т. д. Касаемо института выборов, это прежде всего убежденность в правдивости результатов.

В этой связи интерес представляет опрос, проведенный Центром социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета в июле 2020 г. Измеряя институциональное доверие, исследователи интересовались мнением горожан и жителей Ленинградской области не только относительно того, доверяют ли они правительству страны, но и «насколько правительство доверяет нам, гражданам», а также «способствуют ли действия правительства в целом укреплению доверия в обществе» [14, с. 163]. По сумме ответов «полностью доверяю» и «частично доверяю» они, плюс минус, вышли на среднероссийскую цифру в 46,4 %, но при этом 58,5 % опрошенных сочли, что «правительство провоцирует рост недоверия» [14, с. 167]. К сожалению, в публикации данная ситуация не получила должного объяснения, хотя упоминались глубинные интервью. Что касается основных социально-демографических факторов, ожидаемо, институциональное доверие выше у пожилых и ниже у состоятельных и образованных [14, с. 168].

Исследования, претендующие на комплексность, даже системность, проводятся не так часто и масштабно, как того заслуживает проблематика. Всероссийские опросные центры предпочитают омнибусы – исследовательский формат, при котором в инструментарий одновременно включаются разные тематические блоки, так что набор показателей в них довольно узкий. Как следствие, мы получаем поверхностную картину, напоминающую айсберг, чье основание скрыто в непроявленной толще воды.

Прослеживается еще одна проблема: чрезмерная персонификация восприятия деятельности институций. Конечно, архетипические черты в политической культуре россиян и сегодняшние реалии в виде «руч-

ного» управления накладывают свой отпечаток, однако важно понимать, на чем еще, кроме личностного фактора, зиждится доверие к тому или иному институту. Отдавая себе отчет в том, что глубоким понимаем отличается только информированная публика, целесообразно разделить генеральную совокупность на две группы с последующим сравнением мнений в разных частях выборки.

Отечественной особенностью, видимо, также является расположение феномена институционального доверия ближе к полюсу «веры», нежели к полюсу убежденности. Склонность компенсировать собственные скромные возможности и условия жизнедеятельности гордостью за достижения социального масштаба, а также противоречивое сосуществование в сознании россиян патерналистских установок и недоверия к государству снижают значимость рациональной мотивации в вопросе институционального доверия. При этом молодое поколение может оказаться более склонным к увязыванию кредита доверия с влиянием деятельности институций на их жизнь. Вполне вероятно, что для молодых людей в современной России столь же значимы такие основания восприятия правительства в качестве легитимной власти, как знание, понимание, чего хочет молодежь, и положительное влияние решений, принимаемых властью, на ее жизнь.

Разумеется, предположения нуждаются в проверке в рамках глубоких и комплексных исследований, посвященных проблематике институционального доверия. При этом целесообразно построение смешанной исследовательской стратегии, использование передовых наработок и чувствительных шкал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Domanski H. The Relation between Interpersonal and Institutional Trust in European Countries : Which Came First? / H. Domanski, A. Pokropec // Polish Sociological Review. – 2021. – № 213. – S. 87–102. – URL: <https://bibliotekanauki.pl/articles/1790275.pdf>

2. Faccini F The relationship between institutional quality, trust and private savings / F. Faccini, S. Massin, K. Brooks // Journal of Institutional Economics. – January 2024. – URL: https://www.researchgate.net/publication/377252639_The_relationship_between_institutional_quality_trust_and_private_savings (дата обращения: 21.09.2025).

3. Buriak A. Social trust and institutional (bank) trust : Empirical evidence of interaction / A. Buriak, I. Voznáková, J. Sulkowska, Y. Kryvych // Economics and Sociology. – 2019. – I.12(4). – P. 116–129. – URL: https://www.econom-ics-sociology.eu/files/7_861_Buriak%20et%20al.pdf (дата обращения: 21.09.2025).

Воронежский государственный университет
Сиденко О. А., кандидат политических наук, доцент
кафедры социологии и политологии
E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru

ics-sociology.eu/files/7_861_Buriak%20et%20al.pdf (дата обращения: 21.09.2025).

4. 2025 Edelman Trust Barometer Global Report. – URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2025-01/2025%20Edelman%20Trust%20Barometer%20Global%20Report_01.23.25.pdf (дата обращения: 20.09.2025).

5. The Routledge Handbook of Trust and Philosophy / ed. by J. Simon. – Routledge, 2022. – 454 p.

6. Levi M. Political trust and trustworthiness / M. Levi, L. Stoker // Annual Review of Political Science. – 2000. – Vol. 3. – P. 475–507. – URL: <https://www.annualreviews.org/docserver/fulltext/polisci/3/1/annurev.polisci.3.1.475.pdf?Expires=1759573743&id=id&accname=guest&checksum=55DF0CC7F459D5E8EE1FA4C05F9F081D>

7. Estadieu L. Institutional Trust in Crisis? Conceptual and Methodological Challenges in Measuring Institutional Trust / L. Estadieu, K. Ch. Klauer, A. Voßkuhle, R. Thomashäck // Sociology Compass. – 2025. – URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/soc4.70073>

8. OECD Guidelines on Measuring Trust. – 2017. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2017/11/oecd-guidelines-on-measuring-trust_g1g7ca1c/9789264278219-en.pdf

9. Jost J. T. Antecedents and Consequences of System-Justifying Ideologies / J. T. Jost, O. Hunyadi // Current Directions in Psychological Science. – Oct. 2005. – Vol. 14, № 5. – P. 260–265. – URL: <https://courses.washington.edu/pbafhall/563/Readings/jost%20and%20hunyadi.pdf>

10. Trust and its determinants. Evidence from the Trust-lab experiment. Working paper. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/trust-and-its-determinants_869ef2ec-en.html

11. Rust and Public Policy : How Better Governance Can Help Rebuild Public Trust. OECD Public Governance Reviews. – 2017. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2017/03/trust-and-public-policy_g1g74ea6/9789264268920-en.pdf

12. Mansbridge J. Social and cultural causes of dissatisfaction with U.S. government / J. Mansbridge // Why People Don't Trust Government / ed. by J. S. Nye, Jr. Ph. D. Zelikow, D. C. King. – Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1997. – P. 133–153.

13. Киселев В. О. Доверие к политическим институтам в России : опыт социологического мониторинга / В. О. Киселев // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 124. – С. 51–64.

14. Веселов Ю. В. Трансформация культуры доверия в России / Ю. В. Веселов, Н. Г. Скворцов // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2023. – № 1. – С. 157–179. – URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/2212/1769>

Voronezh State University

Sidenko O. A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science

E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru